

ТОТАЛИТАРИЗМ и тоталитарное сознание

Вып. 4

**Томский областной антифашистский комитет
ТОМСК — 2001**

А.Г.Сухотина

Нацизм и большевизм в исследовании современников

Проблема истоков и природы тоталитаризма по-прежнему остается в центре внимания мирового обществоведения. Особенно часто и с особой остротой дискуссии на эту тему происходят среди историков Германии, теперь уже новой, объединенной. Хотя нацистский порядок длился здесь несравненно меньше, чем большевизм в Советской России, только двенадцать лет. При этом дискуссии последнего времени отличаются в Германии выраженным стремлением их участников найти общие точки зрения, которые позволили бы достичь общественного согласия¹. В этой связи нельзя не напомнить, что среди отечественных историков в период уже начавшейся перестройки не было единства мнений относительно природы большевизма. Далеко не все с уверенностью могли квалифицировать Советское государство как государство тоталитарное. Обстоятельство, лишний раз доказывающее не только идеологическую ангажированность нашей исторической науки, но и особую жестокость большевистского режима, приведшего как к огромным человеческим жертвам, так и трудно восполнимым нравственным утратам. Это значительно затрудняет осмысление и преодоление оставленного нам тоталитарного наследия.

Ситуация значительно осложнилась тем, что отечественным исследователям долгое время оставались неизвестны труды западных авторов, среди которых были жертвы тоталитарных режимов. Неизвестны были и работы жертв большевизма. Классический труд немецкой исследовательницы Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма», заверченный ею в 1949 году и вышедший в 1966 году уже третьим изданием, в русском переводе появился лишь тридцать лет спустя². Также недавно у нас был издан в переводе фундаментальный труд немецкого философа и психолога Карла Ясперса, где в ряду других важных проблем дано философско-теоретиче-

1 Подробнее об этом см.: Ким С. Г. Опыт исторической науки. Германия в преодолении авторитарного сознания //Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 2. Томск, 1998. С. 50-58.

2 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

ское обоснование природы тоталитарных движений и режимов¹. Названные исследования интересны и значимы, поскольку главная тема научного творчества их авторов — «человек в истории» — тесно переплетается с их личными судьбами, судьбами интеллектуалов в изгнании. Сама Арендт считала, в частности, что к философским раздумьям о природе тоталитаризма ее побудили собственные переживания еврейской беженки (за участие в антифашистском движении она была арестована и затем вынуждена покинуть Германию, а позднее — ужасы сталинизма).

Сходной оказалась и судьба Карла Ясперса, ее учителя и друга. Убежденный антифашист, к тому же женатый на еврейке, он был отстранен в 1937 году от преподавания философии в Гейдельбергском университете и лишен права издавать в Германии свои работы. Лишь восемь лет спустя, после разгрома фашизма, Ясперс возвращается к преподавательской деятельности сначала в Гейдельбергском, а затем в Базельском университете.

Названный труд Х. Арендт и все последующие ее работы были следствием осмысления личного драматического опыта и основаны на обширных философских познаниях. В юношеском возрасте, живя с родителями в Кенигсберге, она увлеклась философией Канта, затем едет в Марбург для занятий у Хайдеггера, во Фрейбург — к Гуссерлю и, наконец, в Гейдельберг — к «тайному королю мысли» — Ясперсу. В философских построениях последнего ее особенно привлек один из важнейших тезисов, гласивший, что человек как целое не объективируем. Иначе он выступает предметом исследования, но в качестве такового уже не может быть самим собой. Другими словами, экзистенция человека может быть понята лишь с позиций конкретных исторических обстоятельств². Этот вывод философа становится основополагающим в понимании им исторического процесса вообще и в трактовке природы тоталитаризма, в частности.

Осмысливая генезис тоталитарных режимов, он приходит к заключению, что теперь, более чем когда-либо, путь истории «неминуемо» связан с деятельностью масс. Обездоленные, обнищавшие народы послевоенной Европы становятся безучастными к ходу событий, все более обретающих трагический смысл. Создается лишь впечатление, пишет он, что подлинную историю творит «духовная деятельность». В действительности же происходит то, что принимают массы, хотя они вовсе не обладают свойствами высящей личности — «ничего не знают и ничего не хотят». В своих действиях массы следуют лишь собственным примитивным психологи-

1 Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

2 Гайденко П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Указ. соч. С.11.

ческим влечениям и страстям, служа орудием того, кто льстит им, подогревая эти их устремления¹. Поэтому, заключает Ясперс, могут сложиться такие условия, в которых «безрассудные массы» будут взаимодействовать с манипулирующими ими тиранами, следуя призывам и указаниям последних.

Эти выводы являлись итогом философско-теоретического анализа мыслителем наблюдаемой им изнутри жизни нацистской Германии и звучали как предостережение другим странам Европы.

Сходные наблюдения и выводы мы находим и в работах Арендт, прежде всего в исследовании «Истоки тоталитаризма», также выполненным ею вскоре после краха фашизма и вышедшем годом позже названного труда ее учителя. Обратим внимание на то, что исследовательница расширяет географические рамки своего анализа. В итоге она приходит к мысли о возможном появлении тоталитарных режимов везде и прежде всего в многонаселенных странах. Развивая тезис Ясперса о роли масс в истории, Арендт заключает, что в рождении тоталитарных режимов и тоталитарных вождей массы являются питательной средой и фундаментальной основой. Состоя из людей равнодушных, политически индифферентных, никогда не состоявших ни в какой партии и поэтому «не развращенных партийной системой», они активно пополняли ряды нацистского и коммунистического движений. Массы были удобны новым тоталитарным режимам, поскольку не испытывали потребности в опровержении аргументов, выдвигаемых вождями и идеологами движений, следуя их призывам и указаниям и предпочитая методы насилия методам убеждения².

Таким образом, как и Ясперс, Арендт рассматривает массы в качестве всегда индифферентной социальной страты, которую можно легко увлечь, зажечь какой-то увлекательной общей идеей, подтолкнуть ее тем самым к нужной вождям политической деятельности. Однако, оговаривает она, выполнить эту задачу не по силам одному человеку, даже такому харизматическому лидеру, каким был Гитлер, магическое влияние которого на окружающих людей отмечали многие современники. Решая эту проблему, Арендт приходит к выводу, что другим важным источником и составляющей нацистского движения являлась интеллигенция. В этой связи исследовательница осмысливает удивившую многих «волну коллаборационизма» немецких интеллектуалов. Их добровольное или, по крайней мере, вынужденное терором пособничество Гитлеру. Особенно ее поражало то, что

1 Ясперс К. Указ. соч. С.144.

2 Арендт Х. Указ. соч. С.414, 415.

сотрудничество с нацистами являлось для интеллигенции почти правилом, объективно обусловленным долгом. Позже она отмечает, что немецкие интеллектуалы отыскивали возможность рационализации своей неспособности сопротивляться гитлеровскому режиму на основе философии Канта. При этом они не заметили или не хотели замечать внутреннюю противоречивость последней, заключающуюся в требовании повиноваться диктату разума, следуя в то же время требованиям своего внутреннего нравственного долга¹. Осуществленный Арендт анализ феномена тоталитаризма показал, как полагает исследовательница ее научного творчества Е. Г. Трубина, что разрушение стабильных мировых структур режимами Гитлера и Сталина означает совершенную невозможность прилагать традиционные стандарты рационального объяснения к опыту мировой истории XX века². И все же сама Арендт предприняла попытку дать рациональное объяснение истоков и природы тоталитаризма. Глубокие, многоплановые наблюдения привели ее к выводу, что тоталитарное сознание и тоталитарные режимы, представляющие самую страшную опасность для человека, независимо от формы их проявления — будь то нацизм или коммунизм — являлись проявлением политического кризиса модернизма. Обе идеологии были страшны не только своей жестокостью, но и безграничной гордыней, заключавшейся в убеждении, что человеку все возможно, что он рожден, «чтоб сказку сделать былью»³.

Опасность эпохи Арендт видит в возрастающей по мере технического прогресса способности человека предаваться утопическим мечтам. Опираясь на абстрактные законы объективной необходимости, человеческий разум конструирует в мечтах новые миры и в попытках реализовать свои увлекательные планы люди приводят в движение могучие псевдоестественные силы, способные смести с земли самого человека. Такая подвластность человека созданному им миру проявляется со временем все острее. В сложившейся ситуации политические лидеры получают широкую возможность обрести неограниченную власть над массами, увлекая их обещаниями создать новое процветающее общество и нового совершенного человека. Такие планы становятся заманчивыми не только для масс, но еще в большей степени для приверженной абстрактному мышлению интеллигенции.

Таким образом, тоталитарное сознание проявляется в безграничной свободе убеждения, что человеку все доступно.

1 Арендт Х. Указ. соч. С.414, 415.

2 См.: Трубина Е.Г. Идентичность в мире множественности: Прозрения Ханны Арендт // Вопросы философии. 1998. № 11. С.119.

3 Там же. С.117.

и он все может. Это убеждение, в котором проявляется торжество рационализма, становится основой складывания нового порядка. В сложившейся ситуации, подчеркивает Арендт, власть свободно манипулирует людьми, проявляя, как и само общество, почти полное безразличие к факту такого манипулирования и даже вообще к человеческому уничтожению.

Заключение относительно сути политического кризиса эпохи модерности служит исследовательнице основанием для выводов об объективной неизбежности использования методов и механизмов действия тоталитарной власти — обширная, многообразная идеологическая пропаганда и жесточайший террор. При этом ею обосновывается один важный вывод, а именно: тоталитаризм поражает прежде всего крупные страны. После Первой мировой войны, отмечает она, антидемократическая волна полутоталитарных или тоталитарных движений захлестнула Европу. Фашизм распространился из Италии почти во все страны Центральной и Восточной Европы. Однако при этом даже Муссолини, увлеченный термином «тоталитарное государство», не пытался установить в Италии «полноценный» тоталитарный режим, ограничившись диктатурой и однопартийным правлением, ибо было ясно, что тоталитаризм преследовал слишком амбициозные цели, чтобы достичь их в небольших государствах¹. И хотя дуче был вполне способен хорошо организовать массы для овладения движением, истина заключалась в том, что маленькие страны просто не располагали в достаточной мере «человеческим материалом», чтобы позволить себе опыт тоталитарного правления. Такое правление означало слишком огромные потери населения. Именно это, по мнению Арендт, объясняет, почему нацизм вплоть до войны и своего распространения по Европе сильно отставал от большевизма и почему Гитлер так восхищался Сталиным, последовательностью и безжалостностью его действий². Сталин мог позволить себе не стесняться в расходовании людских ресурсов.

В рассуждениях исследовательницы относительно особой последовательности действий тоталитарных правлений в крупных странах кроется, как представляется, один из ответов на вопрос о том, почему Россия соблазнилась большевистской идеей.

Одно из убедительных подтверждений заключения об особой жестокости большевистского режима Арендт нашла, обратившись к исследованию его практики. Ею был основательно изучен сохранившийся Смоленский архив, содержащий документацию партийных органов области с 1917 по

1 Арендт Х. Указ. соч. С. 411.

2 Там же. С. 412-413.

1938 году. Захваченный немецкой разведкой во время войны архив затем попал к оккупационным властям Западного сектора Германии и в 1958 году был опубликован в США известным американским русистом М. Фейнсодем. Изучая документы архива, Арендт была «поражена» не столько тем объемом информации, которая содержалась в них, сколько тем, что они скрывали. В частности, в делах не было указаний на число жертв, а имеющиеся на этот счет цифры были «безнадежно» противоречивы. Отсутствовала какая-либо информация об отношениях между различными сферами власти: ЦК — военными — НКВД; между партией и правительством. Архив хранил молчание о средствах коммуникаций и управления. Иными словами, в нем не было сведений об организационной структуре режима, о чем можно было составить вполне ясное представление в нацистской Германии.

Документы Смоленского архива убедили исследовательницу, что сталинский режим был «безжалостно последовательным» в своей жестокости. Все факты, отмечает она, которые «не согласовывались с официальными фикциями», судя по архивным делам, просто не существовали для партийных и государственных властей. Все это давало основание считать, что большевизм в большей мере, нежели нацизм, держался на насилии и терроре, особенно широко развернувшемся во «второй революции». Так Арендт охарактеризовала цели и практику «великого перелома» 1929 года, подчеркнув тем самым его насильственный характер¹.

Анализ документов Смоленского архива существенно дополнил аргументацию основных выводов Арендт относительно природы и сущности режимов. Это подтверждается и выводами М. Фейнсод, также основательно изучившего материалы архива. Анализируя документы, публикатор архива пришел к выводу, что в Советской России было широко распространено недовольство народа, его неприятие существовавшего строя. Но при этом совершенно отсутствовала сколько-нибудь организованная оппозиция правящей власти. Это подтверждало, что русская интеллигенция в своем подавляющем большинстве не оказывала сопротивления большевизму. Как и интеллигенция Германии, она верила в возможность рационального переустройства мира или просто не могла оказать должное сопротивление все набиравшему обороты террору².

Наблюдения и основные, наиболее существенные заключения, принадлежавшие Арендт, получили столь же убедительное подтверждение и развитие в работах другого совре-

1 Там же. С.10.

2 Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958. P. 38.

менника и жертвы тоталитарного правления, нашего соотечественника Федора Августовича Степуна. Сын крупного фабриканта, несколько лет (1902-1908 гг.) изучавший философию в Гейдельберге, Степун был изгнан из России в 1922 году в числе других известных ученых, писателей, организаторов науки и обосновался в Германии. Однако в 1937 году он вновь оказался в положении изгнанника, лишившись на этот раз права преподавать философию в Гейдельбергском университете. Только в 1946 году Степун вернулся к научной деятельности, возглавив кафедру истории русской духовности в университете Мюнхена. Живя в Германии вплоть до своей кончины в 1965 году, Степун, несомненно, был знаком с работами Ясперса и Арендт. Сходство их судеб не могло не обусловить близость их раздумий и общность исследовательских сюжетов. Как и Арендт, он не мог забыть изгнания из своей родины и лишение права преподавания в обретенном им новом отечестве, культуре которого он был обязан своим образованием едва ли не в большей мере, нежели культуре России. Именно поэтому его особенно занимал вопрос о сходстве и различиях нацизма и большевизма, условия их появления, причины особой жестокости и длительности существования большевистского режима.

Его раздумья о природе большевизма развиваются в русле рассуждений Арендт о тоталитаризме как следствии и выражении политического кризиса эпохи модернизма. Так, отвечая на вопросы «Пореволюционного клуба»¹, он писал, что в мире нет страны, где до такой степени «попраны и преданы все первичные идеи», где уничтожена самая возможность «самозарождения личности», где в результате «дикого идеологического запоя страна вот уже 15 лет бьется в бреду рационалистического утопизма»². Как и Арендт, он подчеркивал, что коммунистическая идеология фабрикует реальность, рассматривая устанавливаемый ее порядок в качестве неизбежной объективной необходимости. Естественно, философ не мог не искать ответа на вопрос о том, почему большевистский режим в России оказался столь жестоким, кровавым и длительным в сравнении с нацистским в Германии. Объяснение этому он находит в существенных различиях уровня и специфики культурного развития обеих стран, обусловивших, по его мнению, различия между происшедшими в них революциями, ставшими прологом тоталитарных режимов. При всем сходстве революций в Германии и России (обе начались в условиях войны и вызванной ею экономии

1 Клуб основан в мае 1932 г. по инициативе Парижского отделения Союза российских национал максималистов (Подробнее см.: Степун Ф.А. Чужая Россия. СПб., 1999. С. 210).

2 Там же. С. 212-213.

ческой разрухи, обе подготавливались идеями революционного марксизма, обе организовали советы рабочих и солдатских депутатов) они привели к заметно различным результатам. Нацистский порядок продержался лишь двенадцать лет, не успев за этот срок развернуться в полную силу для реализации своих первоначальных замыслов. Причина заключалась в том, по мнению Степуна, что немецкие социалисты, привыкшие бороться за свои идеалы не только на путях их торжественного провозглашения, но и на путях тактического отступления от них, скоро поняли невозможность реализовать грандиозный план мировой революции и принялись за осуществление своей национал-социалистической революции¹. Нельзя не добавить, что здесь крылась причина так поразившего Арендт добровольного сотрудничества интеллигенции с гитлеровским режимом. Что же касалось России, то в ней не нашлось таких деловых «гасителей» разгоревшегося революционного пламени. И хотя, как подчеркивает Степун, вожди русской революции не имели «ни одной подлинно своей и подлинно большой идеи», редкостная энергия ее главного вождя Ульянова-Ленина, питавшаяся «атавистическим примитивизмом его мироощущения и мирозерцания», способствовала тому, что общая обоим революциям идея «пролетария-сверхчеловека» разгорелась в России с необычайной, фантастической силой².

Главным же фактором, обусловившим размах русской революции и последовавшее затем настойчивое стремление ее идеологов и вождей реализовать поставленные ею задачи, являлся, по его мнению, исторически сложившийся низкий уровень культуры русского человека, обусловленный огромной территорией страны и непрекращавшимся приливом хлебородных земель, лишивший его необходимости заботливого и тщательного труда на земле. Столетиями создавался стиль «малокультурного, варварского хозяйствования», «нелюбовного отношения к земле». Тяжелое наследие этой традиции не гарантировало ожидаемых результатов, не спасало от погодных и всякого рода других случайностей. Борьба против неблагоприятного случая оборачивалась утратой веры в Бога, которая сменялась постепенно верой в сверхчеловека. Такой человек все знает и все может³. Это мечта простого человека и питала грандиозные революционные замыслы, служила основой попыток их реализации.

Другой важный фактор, обусловивший победу революции и страшное многолетнее зло большевистского режима, Степун видел в интеллигенции, в сыгранной ею роли. Оторван-

1 Степун Ф.А. Мысли о России // Чаемая Россия. С. 6-7.

2 Там же. С. 11.

3 Там же. С. 12-14.

ная от народа и власти, она была не способна ограничиться защитой реальных хозяйственных и правовых нужд народа и в итоге оказалась обреченной на роль разрушительницы практических достижений в сфере социальных перемен, ставя в революции недостижимые утопические задачи¹. Эта своеобразная «неделовитость» русской интеллигенции, являвшаяся оборотной стороной ее высокой идейности, полностью соотносилась с необразованностью русского человека, его варварским хозяйствованием. В результате, пишет Степун, она защищала не столько ближайшие насущные интересы народа, сколько свои представления о них. Ее устремленность к далеким идеологическим горизонтам и погруженность в глубины «покаянной совести» обусловили направленность воли не к позитивному устройству сегодняшнего времени, но к реализации отдаленной утопической социальной мечты. В конечном счете ее идеологическая нацеленность привела к практической несостоятельности, стоившей народу неизмеримых страданий и неисчислимых жертв.

Рассмотренные воззрения крупнейших мыслителей первой половины прошедшего столетия раскрывают сложные причины и истоки тоталитарных движений и режимов, коренящиеся в природе человека, ситуативной обусловленности его поведения. Эти выводы не утрачивают своей значимости, но, напротив, становятся еще более актуальными в переживаемое нами сложное непредсказуемое время. Желание крепкой и сильной власти, стремление подчиниться создавшему его режиму, как гаранту относительного спокойствия и материального достатка, даже ценой утраты своей свободы остается неизменной чертой человеческого поведения, способной вызвать рецидивы тоталитарных движений.

¹ Там же. С. 26.